

Information on the forthcoming events

Call for papers for the Workshop “**Career Development in Academia**”
of the Research Network 24 — Sociology of Science
and Technology Network (SSTNET) of the European Sociological Association (ESA)
and the Centre for Sociology of Science and Science Studies (CSSS)
of the Institute for the History of Science of the Russian Academy of Sciences (IHST)
(July, 5–6, 2012, at the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia) 138

**Instructions for Contributors and Requirements for Manuscripts Submitted
to the Sociology of Science and Technology** 142

In the next issues 144

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гиндилис Наталья Львовна

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Учреждения Российской академии наук
Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН, Москва, Россия
e-mail: gindilis@mail.ru

Ключевые проблемы современного российского науковедения (по материалам интервью с ведущими российскими науковедами)

Бурное развитие науки в середине XX столетия обусловило необходимость разнообразных исследований самой науки. В СССР во второй половине 1960-х годов происходила институционализация новой дисциплины — науковедения. За прошедшие полвека менялись представления о его структуре, целях, основных проблемах. В статье на материале интервью с ведущими российскими науковедами обсуждаются ключевые проблемы этой дисциплины последних лет.

Ключевые слова: наука, науковедение, исследовательская тема

Небывалые темпы развития науки в середине прошлого столетия обусловили потребность всестороннего исследования самой науки. На Западе в эти годы оформляется специальное направление исследований науки — “science of science”, один из родоначальников которого, Дирак де Солла Прайс, предложил использовать для анализа науки «методический арсенал самой науки» (Прайс, 1966: 281).

В СССР необходимость создания особой дисциплины, занимающейся исследованием науки, была обоснована в статье С. Р. Микулинского и Н. И. Родного «Наука как предмет специального исследования (к формированию науки о науке)», опубликованной в «Вопросах философии» в 1966 году (Микулинский, Родной, 1966). Авторы делали акцент на теоретических аспектах науковедения, рассматривая их в качестве базы для решения практических вопросов эффективной организации научной деятельности. Видя науковедение как комплексную дисциплину, Микулинский

и Родный считали, что основой ее является раскрытие закономерностей развития науки на базе анализа историко-научного материала. Их статья вызвала большой интерес и имела сильный резонанс. В 1966 году во Львове состоялся советско-польский, а в 1967-м в Катовицах — ответный польско-советский симпозиумы, на которых в бурных дискуссиях обсуждались вопросы структуры новой дисциплины, ее статус, цели и ключевые проблемы. В различных регионах СССР начали проводиться науковедческие исследования, акцентирующие разные науковедческие проблемы и методы. Так, в Ленинграде можно было говорить о примате изучения социологических проблем науки под руководством С. А. Кутеля, в Киеве коллектив Г. М. Доброва разрабатывал информационный подход к изучению науки и т. д.

С течением времени менялись представления о структуре и ключевых проблемах науковедения. Так, в 1980-е годы Микулинский, продолжая настаивать на важности логики и истории науки для раскрытия закономерностей ее развития, уже не включал их в науковедение, боясь размывания его границ, а выдвигал на передний план деятельностный аспект науки: разработку основ управления процессом развития науки для повышения ее эффективности (Микулинский, 1982).

Перестройка политической системы, экономики и социальной жизни России принесла новые темы в науковедение. На передний план исследований в постсоветский период выходят проблемы политики науки в условиях кризиса и рыночной экономики, ее реорганизации, вопросы финансирования науки, сокращения кадров, «утечки умов», взаимодействия науки и образования и т. д. Снятие идеологических запретов и цензуры, доступность ранее закрытых материалов дали возможность разработки таких тем, как «репрессированная» наука, наука русского зарубежья, наука и власть. Появление грантовой системы поддержки науки не замедлило вызвать науковедческие исследования по ее анализу, развернувшиеся широким фронтом в 1990-е годы, тогда же претерпела изменения статистическая база науки, перешедшая на международные стандарты, что открыло новые возможности для исследований в области социологии и экономики науки. Но не только социально-политические факторы, а и процесс изменения содержания научного знания — его сращения с высокими технологиями — поставили перед науковедением новые задачи, выдвинули новые проблемы¹.

Материалы интервью, которое проводилось мною в 2009–2010 годы, дают возможность представить видение ключевых проблем современного российского науковедения его ведущими представителями. Среди интервьюеров были представители как старшего поколения, так и более молодой когорты (всего 15 человек). Интервью протекало в форме свободной беседы «лицом к лицу» с записью на диктофон. Респондентам предлагался набор определенных вопросов, при этом они имели полную возможность переходить на интересующие лично их темы. После перевода интервью из «голоса» в текст оно подвергалось редактированию, структурированию (для придания большей цельности тексту), в некоторых случаях сокращению со стороны интервьюера. В этом варианте текст интервью либо принимался респондентом, либо подвергался дальнейшей доработке. Обсуждались многие вопросы, я остановлюсь только на том, как представляются наиболее актуальные проблемы современного науковедения.

¹ Еще в 70-е годы прошлого века бельгийский философ Ж. Хоттуа предложил специальный термин *technoscience*, понимая под ним неотделимое единство науки и технологий. К 1990-м годам уже можно было говорить о трансформации науки в технонауку.

В. Ж. Келле выдвинул на первый план вопросы, связанные с научно-техническими инновациями. Он обратил внимание на то, что науковедение должно меняться вместе с изменением самой науки, которая все теснее смыкается с инновационной деятельностью. «А если науковедение практически ориентировано, то оно уже не может отвлечься от проблем социального обеспечения технологических разработок, инновационной деятельности» (Интервью с В. Ж. Келле — Гиндилис, 2011: 172). Именно в этом направлении он видел перспективы науковедения.

Э. М. Мирский смотрит на процесс сращения науки с высокими технологиями в другом ракурсе: он видит в нем помимо прогресса большую опасность для науки, прежде всего для научного этоса. «Сейчас самая большая опасность, которую испытывает наука, это опасность сращения с технологиями (опасность для содержательной стороны науки). Дело в том, что идет серия скандалов: появляются фальсификации, плагиаты, расширенные интерпретации знания. Чаще всего это происходит в той сфере, которая богата инновациями. Ситуация такая, что пока вы работаете с грантами (где большие деньги), вы работаете в науке. Когда вы выходите на практический уровень реализации инноваций (где очень большие деньги) начинается другая игра, другие правила — меняются нормы... В связи с этим в программах Евросоюза тому, что мы называем науковедением, уделяется очень большое место» (Интервью с Э. М. Мирским — Гиндилис, 2011: 211, 212). Сращение науки с высокими технологиями выдвинуло, с точки зрения Мирского, на первый план проблему коммуникаций в науке: не только в том виде, как она определялась в середине прошлого столетия — коммуникаций внутри группы научного сообщества, но и коммуникаций различных социальных групп с разной мотивацией: ученых, чиновников, олигархов.

На взаимосвязь изменения науковедческой проблематики и модификации самой науки указал и А. И. Ракилов. «Наука становится синтагматической (*Συνταγματικός* в переводе с греч. — строение, сооружение)... Ее главным признаком становится ориентация на решение практических задач: конструктивность, технологичность и экономичность... Это не отменяет самого факта фундаментальных исследований, но траектория от фундаментальных исследований до синтагматических, задачных, конструктивных и т. д. становится все короче... От науковедов, естественно, требуется анализ, исследование и подготовка решений по выработке государственной стратегии и политики в научно-технологической и образовательной сфере. Наука становится другой, науковедение — тоже» (Интервью с А. И. Ракиловым — Гиндилис, 2011: 228, 229). В качестве главных проблем современного науковедения он выделил три проблемы: «изучение процессов взаимодействия отечественной науки с отечественной экономикой, сферой государственного управления и с проблемами модернизации общества» (Интервью с А. И. Ракиловым — Гиндилис, 2011: 231).

Примерно такие же акценты расставил и А. В. Юревич: «На мой взгляд, сейчас экономика и социология науки более востребованы, чем другие разделы науковедения. Экономика науки потому, что идет поиск новых моделей экономического развития России и надо понять, как строить инновационную экономику, каково в ней место науки, каковы научные приоритеты... В социологии науки наблюдается то же самое: социология сейчас социально значима и оказалась в фокусе общественных интересов. В наши дни результаты различных опросов считаются таким же критерием истинности, каким были раньше цитаты классиков марксизма. Рост статуса социологии проецируется и на социологию науки, появляется все больше людей, которые ею занимаются» (Интервью с А. В. Юревичем — Гиндилис, 2011: 242, 243). С его точки

зрения, и интересы психологии науки стали ближе к социологии, нежели к психологии: «Если в советское время она в основном сводилась к психологии личности ученого и научных коллективов, т. е. выступала как “внутренняя” психология науки, то сейчас интерес больше вызывают проблемы взаимоотношения между обществом и научным сообществом, т. е. “внешняя” психология науки» (Интервью с А. В. Юревичем — Гиндилис, 2011: 243). Он отметил и актуальность проблем организации науки.

Значимость исследований в области организации науки акцентировал и Ю. И. Кривоносов. Он отметил, что сейчас «поиск путей дальнейшего развития науки в стране идет методом проб и ошибок... В то же время науковедческих исследований, обосновывающих необходимые управленческие решения, нет» (Интервью с Ю. И. Кривоносовым — Гиндилис, 2011: 179, 180). С его точки зрения, науковедение должно решать извечные для него вопросы оптимизации развития науки, укрепления связей фундаментальных и прикладных исследований и разработок.

А. М. Кулькин обратил внимание на то, что если раньше (до распада СССР) основные финансовые ресурсы ведущих мировых держав направлялись на гонку вооружений, то теперь — на создание мощного научно-образовательного потенциала. При этом «выстроить современную эффективную систему управления научной деятельностью, не располагая результатами (теоретическими и эмпирическими) науковедческих исследований, просто невозможно» (Интервью с А. М. Кулькиным — Гиндилис, 2011: 195).

Е. З. Мирская на факте окончания противостояния капиталистического и социалистического лагерей сделала иной акцент: ушла необходимость в научных исследованиях, обеспечивающих безопасность государства, что привело к уменьшению финансирования науки. Это, в свою очередь, поставило вопрос: «откуда брать деньги и как их распределять, т. е. стали актуальными исследования по политике в отношении науки» (Интервью с Е. З. Мирской — Гиндилис, 2011: 200). Она отметила, что исследования науки стали «мельче», чем прежде: «изменение исследовательских тем можно проследить по изменению содержания международного журнала “Science and Public Policy”, где обсуждение насущных проблем и практических вопросов сегодняшнего дня потеснило теоретические статьи» (Интервью с Е. З. Мирской — Гиндилис, 2011: 201). Это же характерно и для современного российского науковедения.

На интерес к демографическим проблемам науки указал А. Г. Аллахвердян: «На мой взгляд, зарождается такое новое направление, как демография науки. Почему именно сейчас? В советский период классические демографические проблемы — возраст научных кадров, женщины в науке, молодежь в науке и др. — изучались недостаточно и не были столь социально острыми. Сейчас в науковедении эти проблемы выходят на первый план» (Интервью с А. Г. Аллахвердяном — Гиндилис, 2011: 145). Он обратил внимание на позитивные сдвиги в статистике науки, которые позволили более детально изучать проблему научных кадров.

Как правило, респонденты отмечали, что науковедение постсоветского периода более практически ориентировано в сравнении с советскими годами: «что касается эмпирических науковедческих исследований, то многие из них тогда были просто невозможны по чисто идеологическим соображениям, т. к. они выявляли острые социальные проблемы науки, как, например, старение научных кадров, сокращение притока молодежи в 80-е годы и другие. Сейчас об острых социальных проблемах в науке можно говорить открыто» (Интервью с А. Г. Аллахвердяном — Гиндилис, 2011: 146). «На фоне общего падения интереса к науковедению наблюдается перераспределение

интересов к конкретным проблемам науковедения. В советское время безусловными лидерами среди науковедческих дисциплин по количеству исследователей, исследований, социальному статусу были философия и история науки. В последние годы фокус интересов сместился... В значительной мере прогрессируют экономика и социология науки» (Интервью с А. В. Юревичем — Гиндилис, 2011: 242). Собственно все, что было сказано выше о ключевых проблемах науковедения сегодняшнего дня, свидетельствует о приоритете практических аспектов. Однако, по мнению Н. И. Кузнецовой, которая, размышляя о том, каким должно быть науковедение, и делая вывод, что, в общем, оно должно быть прикладного характера, вынуждена была признать: «как науковедение может быть без общего подхода, без теоретических исследований науки?» (Интервью с Н. И. Кузнецовой — Гиндилис, 2011: 188).

Присоединяясь к этому мнению, хотелось бы отметить, что те возможности, которые получили науковеды после перестройки в виде отсутствия идеологических барьеров и расширения сферы проведения исследований, должны быть дополнены серьезными теоретическими наработками не только в области социологии и экономики науки, но и в области теоретического анализа изменений характера научного знания, что прямым образом влияет на организацию научной деятельности как в широких, так и в узких масштабах.

Литература

- Гиндилис Н. Л. История советского науковедения 60–70-х гг. XX века. Lap Lambert Academic Publishing GmbH&CO, 2011.
- Микулинский С. П. Еще раз о структуре науковедения // Вопросы философии. 1982. № 7. С. 118–131.
- Микулинский С. П., Родный Н. И. Наука как предмет специального исследования (к формированию науки о науке) // Вопросы философии. 1966. № 5. С. 25–38.
- Прайс Д. Малая наука, большая наука // Наука о науке / под ред. В. Н. Столетова. М.: Прогресс, 1966. С. 281–384.

The Leading Problems of Modern Russian Researches (on the Basis of Interviews with the Leading Russian Specialists)

NATALIA L. GINDILIS

Senior Researcher, History of Science and Science Studies Progress Center,
Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
e-mail: gindilis@mail.ru

In the middle of XX-th century the impetuous development of science led to the appearance of the investigations of the science itself. In the second half of 60-s years in the USSR it was founded a new discipline — science-knowledge (which is similar but not the same with the science of science). Over the past half-century there was the changing of the ideas about structure, goals, and fundamental problems of this discipline. The leading problems of modern Russian researches are discussed in this article.

Keywords: science; science-knowledge; research problem